

18+

РОМАН

РОНА ВИРУС КОРО

ВЛАД
ДЛИННОВ

заразиться и выжить

18+

Влад Длиннов

Вирус

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51618708

ISBN 9785449842244

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.2020 год. Планету охватывает эпидемия загадочного вируса, симптомы которого похожи на обычную простуду. В разных уголках мира от неизвестного заболевания гибнут люди. Учёные пытаются найти вакцину и выяснить, что вызвало вспышку смертельной инфекции. В это время власти эвакуируют из заражённых городов здоровых людей, а больных – оставляют в изоляции. Уцелевшие сбегают из карантина и отправляются в опасное путешествие, чтобы узнать страшную тайну о вирусе, уничтожившем почти всё население Земли. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	9
ГЛАВА 3	21
ГЛАВА 4	29
ГЛАВА 5	34
ГЛАВА 6	39
ГЛАВА 7	45
ГЛАВА 8	57
ГЛАВА 9	60
ГЛАВА 10	65
ГЛАВА 11	69
ГЛАВА 12	75
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Вирус

Влад Длиннов

© Влад Длиннов, 2020

ISBN 978-5-4498-4224-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1

Лили недовольно качает головой, когда я говорю о смерти. Она сидит рядом – в пассажирском кресле «Зелёной Миндальки». Так я называю свой «мерседес» – в любую минуту он может раскрошиться на мелкие детали. На своей «Зелёной Миндальке» я проезжаю сотни километров, сотни разбитых дорог.

Я включаю стеклоочиститель, чтобы смахнуть насекомых, и передо мной вырастает жидкая радуга из мёртвых оводов и саранчи. По салону «Зелёной Миндальки» разносится запах корицы, специального автомобильного ароматизатора.

«Элитный парфюм для вашей тачки», – написано на упаковке.

В руках Лили держит толстый блокнот. Она рисует в нём географическую карту, с достопримечательностями в виде точек и крестиков. Над каждым из них она выводит по латинскому символу, издалека они напоминают стаю птиц. Если присмотреться, можно разглядеть на страницах блокнота ромбики, водружённые друг на друга, как в узор пчелиных сот. Лили говорит:

– Так выглядит химическая формула марихуаны.

Позади нас остаются кирпичные коттеджи с косыми кры-

шами и заборами. Мы проносимся мимо супермаркетов, витрины которых разбиты на тысячи осколков, обмотаны жёлтой полицейской лентой с надписью «Вход запрещён».

По обеим сторонам от дороги вкопаны рекламные плакаты – один за другим, по ровной линии они выстраиваются в ряд. Там написано:

«Оставь кровоточивость дёсен в прошлом».

На другом плакате написано:

«Сделай себя совершенством!»

Надписи на плакатах призывают нас купить зубной порошок и записаться на водную гимнастику. Нас уговаривают похудеть и стать привлекательнее, нас просят сделать свою жизнь безупречной и, самое главное, долгой. Надписи на плакатах рекомендуют нам сдать анализы на диабет, рак и туберкулёз.

Герои диснеевских мультфильмов на одном из плакатов приходят к врачу. Белоснежка, Русалочка и трое племянников Дональда Дака. Билли, Вилли и Дилли. Они садятся на кушетку и закатывают свои разноцветные мультипликационные рукава по локоть. К их идеальным ровным венам склоняется человек в белом халате. Шприц в его руке постепенно заполняется красной жидкостью, мультипликационным гемоглобиновым раствором.

Все в это время улыбаются, и никто не боится боли.

На плакате написано большими буквами:

«Быть здоровым – это счастье!»

Лили говорит:

– Обрати внимание на Белоснежку.

Лили говорит:

– Судя по тому, как у неё опухли гланды, она подцепила что-то венерическое.

Все слова Лили произносит шёпотом:

– Это может быть гонорея или кандидоз.

Лили наносит формулы лекарств на бумагу простым карандашом, шёпотом она говорит про то, что племянники Дональда Дака – подпольные секс-террористы, они заразили несчастную Белоснежку паховой гранулёмой и микоплазмозом, Лили говорит об этом в полтона.

Я спрашиваю, почему Лили считает, что все вокруг чем-то больны? Спрашиваю, что не так с Русалочкой?

Лили – также вполголоса – отвечает:

– Из-за одноклеточных организмов, которые обитают в воде, скорее всего, она страдает акантамёбным кератитом.

Так мы и будем ехать. Я и Лили. Время от времени, как это часто бывает в дороге, нас будет преследовать наше прошлое. Моя мама.

Моя мама столкнула самолёты над Боденским озером.

Моя мама вызвала ураган Катрина.

Моя мама назвала меня «Малолетним-В-Рот-Давашкой».

Мы будем прыгать туда-сюда, вспоминая то одно, то другое. Лучше сразу привыкнуть.

Когда я отказывался становиться вегетарианцем, моя мать называла меня «косоглазым пилоткозавром». Когда нужно было сделать уборку в клетке с лабораторными крысами, она называла меня «анальным сифилитиком». Во время походов по музеям, когда ей нравился какой-нибудь арт-объект, она гладила меня по голове и говорила: «Привокзальный членожуй».

Моя мать была особенной, она называла себя «Божественной исключительностью».

Сейчас моей мамы нет рядом, но каждую секунду я ощущаю её присутствие.

В моей машине только Лили. На разлинованных листах она строит замок из ромбиков. Одну фигурку она ставит на другую. А затем вываливает еще три сверху и соединяет их латинскими буквами «O», «N» и «H».

Говорит:

– Это химическая формула ацикловира. Если бы Жасмин была предусмотрительной, то Аладдин не заразил бы ее генитальным герпесом.

Мы будем ехать так – время от времени останавливаясь у рекламных щитов. Мы будем сжимать время до одной тысячной секунды и растягивать на миллионы веков. Говорить мы будем шёпотом.

ГЛАВА 2

Пункт 54, статья 3, из «Памятки уцелевшим» (под ред. отдела по противодействию ЧС Всемирной организации здравоохранения): «Всем уцелевшим настоятельно рекомендуется не разговаривать громко. Кроме того, настоятельно просим всех уцелевших, находящихся в помещении, не ронять на пол стеклянную посуду, не включать музыку и не исполнять музыкальные произведения».

Я постоянно слышу, как голос сверху кричит: «РАЗРЯД!» После этого горизонт ослепляет яркая вспышка, и меня уносит в новое место, я пытаюсь зацепиться за что-то твёрдое, но ничего не получается. Я пытаюсь ухватиться за больничный халат Виктора, за хрупкое запястье Лили, за лавандовый запах её волос, но ничего не получается – я исчезаю, растворяюсь в воздухе, чтобы оказаться где-то в другой плоскости, в другом временном отрезке. Когда слушаешь мою историю, складывается ощущение, что просматриваешь сотни роликов в интернете, пролистываешь сотни страниц и фотографий, переключаешь сотни кабельных телеканалов – будет всё время казаться, что финал где-то близко, что развязка приближается, но команда «РАЗРЯД!» снова относит меня назад. Или вперёд. Или оставляет в этом моменте, в моменте «здесь и сейчас», как говорит Виктор, мой лечащий врач. Разряд!

В медицинских институтах будущих врачей не учат сообщать пациентам о смертельном диагнозе. Зачастую врачи рассказывают плохие новости сухо и без эмоций. Никаких красок в голосе, никакого сострадания на лице, никакого раздражения или сочувствия. Монотонно и долго, как на лекции по неорганической химии. Врачи, сообщающие смертельный диагноз, даже не подозревают, насколько с ними скучно.

Конец моей истории происходит в этот момент, мой финал – это результат арифметического действия, он образован в результате сложения нескольких коротких слов, пугающих своим смыслом, своей морфологией, даже не сразу понятно, что имеется в виду: «Вы заражены смертельным вирусом».

Напротив меня сидит врач. Он говорит, что я болен смертельным вирусом.

Мой врач – выпускник медицинского института, он не умеет плакать вместе с пациентами. В медвузе его не учат жалеть больных: лёгким прикосновением пальцев, а потом объятием, крепким и вселяющим надежду, а потом ободряющими словами. Ничего подобного не преподают на медицинских факультетах. Только факты.

– У вас неизлечимая болезнь.

Звучит, как будто ты на полной скорости врезаешься в рекламный столб. На нём написано: «Тренинги для будущих врачей». Снизу добавлено: «Учимся быть деликатными и тактичными». И ещё ниже: «Постановка речи. Как гово-

ритель с болью в голосе».

– В вашей крови обнаружены клетки Вируса-44, – продолжает врач.

Слова, которые он произносит, делят мою жизнь на «до» и «после». Как в рекламе Суперковрика, Подушки-трансформера или Кружки-мешалки – в одном из тех телевизионных роликов, первая половина которых окрашена в чёрно-белые тона, а потом, после покупки товара, всё меняется, и жизнь налаживается, краски становятся ярче. Только в моём случае – наоборот.

Врач говорит мне:

– Наверняка вы читали об этом вирусе на фейсбуке?

Не знаю, зачем, но я спрашиваю:

– Когда я умру?

И врач отвечает:

– Давайте для начала успокоимся.

На моём враче – идеально белый халат. Пуговицы цвета спелой моркови. Из-за ворота выглядывает розовая водолазка. На шее висит фонендоскоп. Он настолько чистый, что я вижу в нём отражение своего подбородка.

Врач спрашивает:

– Когда вы в первый раз почувствовали тошноту? Сколько месяцев назад?

Я говорю:

– Не помню. Это было совсем недавно.

Врач спрашивает:

– Бывает ли у вас неконтролируемый смех?

Нет.

Мой врач спрашивает, употреблял ли я когда-нибудь мясо человека. Некоторые инфекционисты считают, что болезнь переносит плохо прожаренная человеческая плоть.

– Лекарство от Вируса-44 ещё не найдено, – говорит мой врач. – Я могу назначить вам поддерживающую терапию. Пока вы будете её принимать, с вами ничего не случится. А для начала вам нужно пройти курс антибиотиков. Я выпишу рецепт.

Не знаю, зачем, я спрашиваю:

– А облучение?

Врач говорит:

– А при чём тут облучение? Это же не рак. Пока я заполню анкету, измерьте температуру, – врач даёт мне градусник.

36 и 6.

Мы встречаемся с ним на медицинской конференции в отеле Rixos или в парке аттракционов Fantasy World.

Мы встречаемся в фотосалоне Photo Print у стендов с канцтоварами. Мы встречаемся в закусочной «Время Завтрака», где по секретному старинному рецепту выпекают блины с мясом. Мы встречаемся на премьере фильма об астронавте, которого забывают на Марсе. Мы встречаемся где угодно, только не в больничных стенах.

37 и 8.

Температура тела скачет, как баскетбольный мяч по полу, и воспоминания относят меня сюда – в этот момент, где сотни маленьких огоньков разлетаются в разные стороны. – Я тушу сигаретный окурочок о металлический столб, он заканчивается в двух метрах надо мной гигантской надписью «Микро-Триммер-Мак-Турбо-Удаляет-Волоски-Даже-В-Самых-Труднодоступных-Местах». Снизу кто-то приписал розовой краской:

«Не останавливайся! Двигайся только вперёд».

Это происходит в тот самый момент, когда мы с Лили грабим очередную аптеку. Сквозь пластиковую витрину, под тусклым светом люминесцентной лампы, можно разглядеть наши сгорбленные силуэты, можно услышать очередную историю, рассказанную шёпотом под тихое дребезжание морозильной камеры.

– Знаешь ли ты, что многие люди считают смерть идеальным подарком? – Лили отдирает скотч от коробки, которую мы обнаруживаем в аптеке №3. Она говорит:

– Альпинисты, погибающие в горах, становятся легендами.

Лили говорит:

– Или взять хотя бы террористов. Они полагают, что, совершив атаку на посольство какой-нибудь вражеской страны, сразу попадут в рай.

Взрывное устройство под их одеждой – это как виза с печатью и подписью генерального консула.

Пшик. Пшик. Лили брызгает освежителем воздуха, она находит его в отделе «Дезинфекция для вашего дома». Аптека наполняется искусственным запахом малины. На входе в аптеку висит неоновая вывеска с объёмной цифрой три. Ниже надпись:

«Мы дарим здоровую жизнь».

Как и во всех предыдущих подобных местах, здесь беспорядок. Разноцветные капсулы разбросаны тут и там. Зелёные, красные, синие таблетки разных форм и предназначений. На бумажных инструкциях и упаковках – следы от обуви.

Придорожные аптеки напоминают мне маяки. Башни с сигнальными огнями на берегу моря. Ориентир для тех, кто находится в пути много дней. Дальнобойщики покупают тут презервативы и таблетки от диареи. Семейные пары, путешествующие с детьми, – ягодную смесь для своих отпрысков и таблетки от мигрени для себя. В аптеках всегда спокойно и безопасно.

И вот сейчас нас здесь двое. Я и Лили. Я жую никотиновую пластинку от курения, а Лили распаковывает коробку с надписью «медицинская утварь». Она копошится в грудке одноразовых шприцев и резиновых перчаток, говорит:

– Мы ведь не террористы! Для нас, обычных людей, смерть – это не подарок, а наказание.

Я уже не помню, почему мы начали говорить об этом. Показываю Лили свой градусник.

38 и 9.

Лили достаёт из кармана меховой накидки капсулу цвета венгерской сирени, она зажимает её между указательным и большим пальцами, подносит к губам и сдувает с неё пыль, приклеившиеся частички табака, рыжий кошачий волос.

Лили спрашивает меня:

– Твой врач что-нибудь говорил о смерти? Он сказал, как с этим справиться?

И вот я снова в кабинете врача. Так мы и будем ехать. То туда, то сюда. Без остановок. Пытаясь поймать ладонью таблетку, подброшенную Лили в воздух. Вслушиваясь в звук настенных часов – тик-так... тик-так... тик-так...

Мой врач сказал следить за движением секундной стрелки, он посоветовал жить по принципу «здесь и сейчас». Вот, пожалуй, и всё, что он сказал.

Лили спрашивает:

– Всё?

Мы снова в аптеке.

Я рассказываю Лили про то, что в медицинских институтах врачей толком-то и не учат разговаривать с больными.

Лили говорит:

– В таком случае твой врач должен работать на горячей

линии для суицидников.

Лили опустошает бутылку минеральной воды, она признаётся, что её раздражают такие формулировки – похожие на слоган туристической компании: «Здесь и Сейчас», – лишь бы продать доверчивому клиенту путешествие на круизном лайнере – мы живём один раз, поэтому нельзя жалеть денег на свои впечатления. «Здесь и сейчас» – это ложь, которую хотя бы раз в жизни внушает себе каждый человек, считает Лили.

Она машет пустой бутылкой и говорит, что всё это выдумка для тех, кто не смог построить карьеру. Или не успел родить ребёнка, или накопить денег на собственный дом. Оправдание из серии «я не унесу с собой в могилу всё это». Или «а что будет с моим богатством после смерти». Или «все мы гости на этой Земле».

Жить «здесь и сейчас» – это мифологическая установка. Сказка для наркоманов. Механизм выживания для неудачников.

– Ничего близкого к тому, что происходит в реальности. Нельзя жить «здесь и сейчас», – говорит Лили.

Она наклоняет голову, чтобы проверить, не закатилась ли какая-нибудь маленькая таблетка за шкафчик.

– Что же плохого в том, чтобы попробовать? – интересуюсь я у Лили. А она в этот момент открывает новую бутылку минеральной воды и говорит:

– Я могу провести для тебя лечебный обряд на процвета-

ние, – голос Лили звучит заботливо, нежно, без злобы. Она говорит:

– И ты всё сразу поймешь.

Я слышу: «РАЗРЯД!» – и снова оказываюсь в кабинете врача.

Ещё до того, как он рассказал мне про «здесь и сейчас», но уже после того, как глубоко вздохнул и сообщил мой диагноз. Тик! Тааак... Тик! Тааак. Тик! Тик! Тик... Когда узнаёшь о смерти, время перестаёт идти, как прежде. Секундные стрелки скулят и лают, как рок-музыкант со сцены; сталкиваясь друг с другом, стрелки гремят; уходя вперёд, секундная стрелка шепчет, как священник в исповедальной комнате. Реальность воспринимается неадекватно. Всё происходящее кажется неправдой. Всё забывается, все достижения сворачиваются в клочок бумаги и летят в мусорную корзину, и первое, что приходит в голову: «Это неправда!»

Я чувствую себя маленьким, раздавленным и растерянным. Уследить за секундными стрелками не получается. Постоянно хочется вернуться в прошлое. Впрочем, так мы и будем делать – постоянно возвращаться назад, переходить из комнаты в комнату, плыть по кафельным больничным коридорам, навстречу будущему, далёкому и расфокусированному.

– Вам не нужно волноваться. Несмотря на то, что Вирус-44 неизлечим, лекарство от него всё же имеется.

Я слышу «РАЗРЯД!» и оказываюсь в кабинете врача.

Он говорит, что некоторые препараты остановят распространение вируса, но не излечат меня от него.

– Это как сахарный диабет или подагра. Понимаете, о чём я говорю?

Это как астма.

Это как некоторые виды рака.

Шариковая ручка, которой пишет врач, похожа на подвыпившую балерину в ночном клубе. Она заигрывает с окружающими, закидывает ногу на барную стойку и прыгает с листа на лист, отклоняясь то вправо, то влево!

Врач смотрит на меня, не отрывая ручку от тетради. Он какое-то время пишет, а потом останавливается – он укладывает пьяную балерину в тетрадную кровать. А потом делает паузу, как написано в инструкции «Помоги своему ближнему пережить утрату». Потом он делает ещё одну паузу. И потом ещё одну.

Он говорит:

– Я посещаю тренинги, организованные неправительственными организациями, и нам рассказывают, что чувствуют пациенты.

Говоря о пациентах, врачу следует добавлять «смертельно больные».

– Медицина совершила большой прорыв! Мы каждый день приближаемся к ответу.

Тик... так... тик... так... тик...

Спрашиваю:

– И сколько нужно ждать?

Врач говорит:

– Поверьте, вы доживёте до старости.

Он говорит:

– Некоторое время у вас точно есть!

Говоря «некоторое время», врач имеет в виду «никто не знает, сколько».

– Психика человека так устроена, что все умирающие люди чувствуют примерно одно и то же. Поэтому я понимаю ваше состояние. Вы чувствуете себя раздавленным, так? Вы пытаетесь ухватиться за секундные стрелки, вы пытаетесь считать. И ещё вам кажется, что эта шариковая ручка над вами издевается. Да?

Врач говорит мне:

– Соберитесь!

Он добавляет:

– Вам нужно сохранять позитивный настрой.

То ли цитируя очередную главу из психологических брошюр, то ли вспоминая какой-то свой личный опыт, он говорит:

– Позитивный настрой – это половина успеха.

На тренингах врачам рассказывают, что сначала они должны оценить реакцию пациента на известие о смертельном диагнозе и дать ему время на осознание. Врачам сообщают, что первая реакция на страшный диагноз – отрицание.

Так... тик... так... тик... так...

– Не падайте духом! – говорит мне врач. Его имя на бейдже написано мелким шрифтом – так, что не разглядеть.

Секундные стрелки... Отрицание... Опухоль в паховой области. Я спрашиваю:

– А вы уверены насчёт диагноза? Может, нужно сдать повторные анализы? Может, это ошибка?

Врач кивает. Вчитываясь в буквы на бейдже, я вижу его имя.

Его зовут Виктор.

ГЛАВА 3

Мы проезжаем плакат, на котором изображена душевая кабинка, – вода стекает с тонированных стёкол, под струёй стоит молодой человек, крупным планом запечатлены его густые волосы. Прядь к пряди. Оттенок «платиновый блонд». Шевелюра аккуратно уложена назад. В руках у парня пузырёк с жидкостью изумрудного цвета. На нём надпись:

«Непревзойдённое увлажнение!»

Лили продолжает делать записи в блокноте. Иногда оттуда выпадают её старые фотографии. Из кожаного переплёта выглядывают ресторанные чеки, пластиковые авиабилеты, липкие оранжевые стикеры. Все они исписаны латинскими буквами. Каждый кусок бумаги испачкан простым карандашом.

Я слышу «РАЗРЯД!» и вижу, как Лили выходит из машины и, спустя некоторое время, возвращается. Так мы и будем ехать – постоянно останавливаясь, попадая из точки А в точку В. Из точки В – в точку С. Из точки С – снова в точку А. Мы постоянно возвращаемся сюда. В мир, где никого больше не остаётся, только я и Лили.

– Рассказывать историю нужно с конца, – говорит Лили. Она считает, что только так можно добраться до сути и сделать правильные выводы, понять тему и добиться главного.

– Главное в любой истории – это развязка, – говорит Лили.

Она резко обрывает повествование – сначала рассказывает историю, а затем останавливается, финал повисает в воздухе, как дым ментоловых сигарет.

Лили говорит, что у них на телевидении постоянно так делают. Этот художественный приём называется «клиффхэнгер». Когда эпизод прерывается на самом интересном месте.

Лили просит, чтобы я тоже использовал «клиффхэнгер».

– У тебя получится, – говорит Лили. – Расскажи свою историю с конца.

Порадуй членов киноакадемии! Удиви всех, дёрни за рычаг и распахни пыльный занавес! Заставь всех аллергиков в зале хвататься за горло! Убей кого-нибудь, а потом стащи с мёртвого тела смокинг и используй его в качестве бронежилета.

По привычке я тянусь к приёмнику, чтобы включить радио и послушать прогноз погоды. Но Лили останавливает меня: – У тебя получится, поверь мне.

Лили говорит:

– Главное – начать.

В своём блокноте Лили проводит плавные линии. Вверх, вниз и по диагонали.

Каждые десять-пятнадцать минут Лили обрывает моё повествование. Она разминает запястье и жалуется на туннельный синдром. Она произносит свои заклинания или предсказывает погоду.

Она говорит:

– Сегодня пойдёт снег. Нам лучше остановиться и переночевать где-нибудь.

В своём ежедневнике, больше похожем на кулинарную книгу с рецептами, она расчерчивает всё новые и новые линии. Направо, налево, крест-накрест.

Так мы и едем – на полной скорости обгоняя рекламные плакаты вдоль дороги. Скрываясь и убегая.

Закат окрашивает небо в цвет марганцовки и превращает его в гладкий натяжной потолок. Я закидываю в рот таблетку и запиваю её минеральной водой. Каждый раз, когда я так делаю, всё вокруг меняется. Пространство искажается, вытягивая стены и вращая бетонный пол против часовой стрелки. Каждый приём таблеток – это небольшое землетрясение, лёгкая турбулентность.

Я знакоплюсь с Лили на обочине дороги.

Когда она садится ко мне в машину, Меркурий входит во вторую фазу активности. Лили говорит:

– Благодаря Меркурию даже совсем заблудшие путники находят дорогу домой. Путешественники в этот день практически не испытывают усталости. Дорога в этот день благоприятная.

На Лили надета меховая накидка холодного серого цвета.

Она говорит мне:

– Спасибо.

На рукавах её серого, как сталь, полушубка я замечаю тёмно-алые разводы, похожие на застывшую кровь. На секунду

меня ослепляют стразы в её ушах.

– Нам нужно повернуть направо и спуститься вниз, – рукой Лили показывает вперед, – за автозаправкой, напротив веганского магазина, есть одна аптека.

Бросив дорожный рюкзак на заднее сиденье, она протягивает руку и говорит:

– Меня зовут Лили.

Кисти её рук покрыты тонкими, как нить, царапинами. На безымянном пальце сверкает золотое кольцо.

Мы въезжаем в город как раз в тот момент, когда туман на улице рассеивается. В стеклянных витринах я успеваю увидеть своё отражение. На мне плащ горчичного цвета, вязаная шапка натянута до бровей, она скрывает лоб, затылок и уши. В отражении витрины я вижу, как изо рта у меня идёт пар.

Мы проносимся мимо рекламных вывесок, которые сообщают нам о концерте в честь Дня независимости, о большой распродаже в магазине New Yorker, об открытии новой клиники по пересадке волос.

Я слышу «РАЗРЯД!» и вспоминаю свою прежнюю причёску. Вспоминаю, как я начал терять волосы. Вспоминаю свою первую вязаную шапку, украденную в супермаркете.

Мои воспоминания – как бирки на одежде. Оторви и выбрось.

Я слышу «РАЗРЯД!» и снова возвращаюсь в машину. Мы проезжаем мимо рекламного плаката, на котором избоб-

ражён молодой парень. 99 и 9 десятых процента опрошенных женщин назвали бы его привлекательным. Он держит в руках ключи от автомобиля и улыбается белыми ровными зубами. Его лоб прикрывает филированная чёлка цвета «медовый блонд», её можно небрежно откинуть назад при жаркой погоде, во время дискотеки ею можно трясти в разные стороны. На подбородке у парня через толстую корку тонального крема пробиваются ростки щетины. Уголки плотных губ приподняты вверх. Ни одной морщины, взгляд ясный. На плакате большими ровными буквами написано:

«Тебя ждёт незабываемое путешествие!»

Лили достаёт из своего рюкзака ежедневник и говорит, что может предсказать будущее.

– Вообще-то я не люблю копаться в чужом грязном белье, – говорит Лили. – Но я могу рассказать всё о твоём прошлом. Кем ты был раньше, и что привело тебя сюда.

Лили открывает свой ежедневник и начинает трясти его. На коленях Лили вырастает целая куча бумажного мусора. Билеты на ночные киносеансы, вырезки из медицинских журналов, магнитные карточки метро. В этой куче я замечаю несколько скомканных газетных страниц. На некоторых из них напечатана фотография Лили.

Я успеваю прочесть в заголовке слово:

«РАЗЫСКИВАЕТСЯ»

Мы проезжаем мимо многоэтажных домов. Если двигаться медленно, то можно разглядеть обстановку в окнах. Можно увидеть мебель в стиле прованс, зеркала в стиле барокко и колонны в стиле рококо. Всё потрескавшееся и пыльное. Сухое и безжизненное. Брошенное.

Так мы и будем ехать.

Над нами свешиваются троллейбусные провода. Нас сопровождают рекламные плакаты, справа и слева, как тюремные надзиратели, ведущие заключённого на прогулку. На одном из щитов во весь рост изображён молодой парень. 99 и 9 десятых процента женщин назвали бы его «человеком приятной наружности». Он стоит, закинув на плечо клюшку для гольфа. Надпись под ним гласит:

«Добро пожаловать в новую жизнь!».

Ниже кто-то от руки написал розовой краской:

«Ещё не поздно передумать и повернуть назад».

Лили собирает с колен свой бумажный хлам и расфасовывает его по карманам рюкзака. Открытки, банковские чеки, рекламные буклеты. И даже газетные вырезки, в которых написано, что Лили разыскивают за совершение тяжкого преступления.

– Я могу усилить твою денежную энергию. Для этого мне

понадобятся свечи и карманное зеркальце, – говорит Лили.

Мы проезжаем ювелирные салоны и мебельные магазины. В зеркальных витринах скользят наши изображения, искажённые версии меня, Лили и моей «Зелёной Миндальки» – так я называю свой «мерседес».

– Если мы не найдём свечи, ничего страшного. В качестве альтернативы я могу использовать рисовую крупу, – говорит Лили.

Она спрашивает:

– В аптеках ведь продаются каши для завтрака?

Мы проезжаем мимо городского дворца бракосочетаний, мимо разбитых лимузинов, ветер поднимает в воздух клочки чужих свадебных платьев, с деревьев свисают кружевные свадебные лоскуты. Город, по которому мы едем, похож на роскошный особняк после ограбления. Тысячи осколков с хрустом въедаются в автомобильные шины. Бедная «Зелёная Миндалька».

– Ты спас меня, и в знак благодарности я могу наладить твою личную жизнь.

Лили говорит:

– Это займёт пару минут.

Если раньше для какого-нибудь таинственного обряда требовалось раздобыть волос 33-летней девственницы, то сейчас всё намного проще. Достаточно набрать стакан кипячёной воды, раздеться догола и намазать свою промежность мёдом.

Лили украшает страницы своего блокнота новыми иероглифами. Она выстраивает буквы в ряд, как на модельном подиуме, а затем зачёркивает – одну за другой, меняет их местами, соединяет стрелочками, будто подбирая код к электронному замку. Одну из газетных полос Лили прячет в карман рюкзака. Рядом с фразой «РАЗЫСКИВАЕТСЯ особо опасная ПРЕСТУПНИЦА» написано:

«ВЗЯТЬ ЖИВОЙ ИЛИ МЁРТВОЙ»

Я успеваю прочесть это. Там написано:

«Ни в коем случае не вступайте в контакт! Сразу сообщите в полицию».

Город, по которому мы едем, пуст, как коробка конфет после Рождества.

Шёпотом Лили рассказывает о том, как приворожить чужого мужа. Как излечиться от алкоголизма. Как навсегда устранить конкурента по бизнесу. Как защититься от негативных эмоций.

– А сейчас, – говорит Лили, – я могу предсказать твоё будущее, хочешь?

ГЛАВА 4

Если резко затормозить и пересечь двойную сплошную линию, а потом так же резко надавить на газ, то можно упасть в кювет, перевернуться несколько раз и вонзиться в рыхлую землю – там в этой яме среди зарослей бурьяна и крапивы можно оказаться в прошлом, в том самом моменте, когда мне звонит Шанталь – так она просит называть её.

Когда звонит Шанталь, я убеждаюсь в том, что моя жизнь находится под контролем. Отвечаю на звонок и слышу:

– В десять утра у нас встреча в холле гостиницы Holiday Inn.

Шанталь не здоровается. Всё, что я слышу, когда она звонит:

– Надень какую-нибудь футболку, которая приносит тебе удачу, и вызывай такси! Алло, ты меня слышишь?

Где бы я ни находился, Шанталь заставляет меня выполнять упражнения для увеличения мышечного атласа.

– Перед тем как выйти из дома, не забудь сделать жим лёжа, – говорит Шанталь в трубку. – Внимательно осмотри своё лицо перед зеркалом. Проверь, не торчат ли волоски из носа.

Так мы и будем ехать.

В руках у Шанталь – мини-планшет, он помогает ей следить за пульсом и считать количество калорий. По электрон-

ной почте Шанталь присылает мне фотографии успешных, по её мнению, людей. Они, в свою очередь, рассказывают, как изменить жизнь. Как модифицировать свою личность. Чем обогатить свой образ и стиль. Эти люди с картинок учат эволюционировать и прогрессировать.

На экране высвечивается очередной жизнеутверждающий лозунг. А под ним – девушка с загаром «вишня в шоколаде», она сидит в шезлонге у бассейна. На ней неоноворозовый купальник. Над девушкой склоняется загорелый молодой человек и что-то шепчет ей на ухо. Он прикрывает свой пенис бокалом из-под мартини. Его глаза спрятаны за солнцезащитными очками с черепаховой оправой.

Жидкость в бассейне и в бокале у парня – неестественного ярко-голубого цвета.

Шанталь в это время, пока я разглядываю картинку, находится со мной на линии. В трубку она говорит:

– Прекрати прятать плечи. Выставляй плечи вперёд! И еще! – Шанталь делает паузу... – Мне неловко тебе это говорить, но... – Шанталь делает ещё одну паузу... – Пожалуйста, не забывай втягивать живот. Если бы мне нужен был гиппопотам, я бы пошла в зоопарк.

Разговаривая по телефону с Шанталей, я втягиваю живот, напрягаю длинную головку трицепса, выдавливаю из себя капли пота, оставляя их белыми разводами на одежде, я прослушиваю аудиосообщения, которые Шанталь отправляет со своего телефона.

Записанный голос Шанталь произносит:

– Как следует натяни плечевые мышцы! Это особое пожелание отдела маркетинга. Кстати, мне кажется, их начальник на тебя запал. Пригласи его куда-нибудь. Говорят, он любит суши. Я знаю один японский ресторан недалеко отсюда...

Не дожидаясь, когда я прослушаю это аудиосообщение, Шанталь перезванивает и говорит:

– Все в восторге от фотографий! Маркетинговая служба осталась довольна. Я разговаривала с боссом, он хочет с тобой познакомиться лично. Приглашает нас к себе на ужин. Предлагаю завтра в шесть, только будь добр, в следующий раз не напрягай так запястье. Помни о лучевом сгибателе. Держи бокал спокойно, ладно? У тебя же в руках «Грязный Мартини», а не селёдка с сыром.

Или китайский портсигар «Золотой снег».

Или новая модель айфона, похожая на ручку для письма.

Или что там у тебя.

Тик... так... тик... так... Я ещё не умею отслеживать движение секундных стрелок, я не знаком с Виктором, не болен Вирусом-44. Всё, чем я занимаюсь, выполняю рекомендации Шанталь. Так уж и быть: я не напрягаю запястье. Контролирую свою жизнь. Читаю подпись к фотографии:

«Клабмастеры и очки в стиле ретро – проведи лето клёво!»

Спрашиваю у Шанталь, кто автор этой подписи? Какая связь между авиаторами и обнажёнными людьми?

– Не кажется ли тебе, – спрашиваю, – что эти линзы слишком уж голубые?

А Шанталь отвечает:

– В финансовом департаменте считают, что ширина плеч и оттенок загара должны быть именно такими, как на снимках. Производственный цех тоже с этим согласился. Не переживай так сильно, я отправлю тебе графики! Ты умеешь пользоваться Excel?

Шанталь спрашивает:

– Ты завёл будильник на шесть тридцать утра?

Она говорит:

– Запомни, у тебя всего десять минут на пробежку и ещё тридцать – на приседания и отжимания. Тебе же хватит тридцати минут? Вот и отлично!

Оставшиеся полчаса Шанталь предлагает потратить на антигравитационную йогу. По телефону – изо дня в день – она объясняет, как должен выглядеть мой брахирадиалис и трицепс. Она сообщает адреса и названия компаний, называет даты и схемы проезда, в трубку, прикрывая рот ладонью, она говорит:

– Мека... жется... дире... отде... порас... порас... нате... папала.

Спрашиваю:

– Что?

Шанталь сбрасывает звонок. И через секунду отправляет мне сообщение. Она пишет: «Мне кажется, на тебя запал директор департамента по продвижению. Сходи с ним в кино». И ещё она добавляет: «Всё. Не могу говорить. Кругом люди. Оденься завтра красиво».

Шанталь пишет: «Пока».

ГЛАВА 5

Врач даёт мне градусник и говорит, что я должен постоянно измерять температуру своего тела. Градусник должен стать моим паспортом, моим водительским удостоверением или кошельком; чем-то таким, что любой человек постоянно берёт с собой, когда выходит из дома. Врач предлагает прицепить градусник к брелоку вместе с ключами от дома, он предлагает вшить его в портмоне.

– Он сделан из прочного стекла, и если он упадёт на пол, то не разобьётся, – говорит Виктор. – Носите его как амулет, это ваш новый ангел-хранитель. Посмотрите, как легко он входит в карман пиджака.

Мы находимся в кабинете врача. Это наша последняя встреча в больничных стенах. Задолго до свиданий в парках и садах, прогулок по набережным и аллеям, редких и коротких встреч в холлах и на лестничных пролётах.

– Посмотрите сюда, – говорит Виктор. Он достаёт из выдвижного ящика увеличенный макет капсулы. У неё ромбовидная форма. В центре выгравирована буква «Н». Сама капсула выкрашена в сиреневый цвет.

Сиреневый утешающий цвет.

– Это «Ризин».

Виктор говорит:

– Радуйтесь, что это бесплатно!

Я прошу Виктора помочь мне, облегчить мои страдания и выполнить моё последнее желание. Говорю:

– Я не могу больше появляться здесь. Кто-нибудь узнает меня и расскажет всем о болезни. От меня отвернутся люди и перестанут со мной работать. Я стану изгоем.

Виктор говорит:

– Нужно бояться не этого.

Виктор говорит:

– Если вы перестанете принимать таблетки, то на коже появятся высыпания. И тогда все точно узнают, чем вы больны... – Виктор делает явно отрепетированную паузу, – это лекарство снимает боли в груди, благодаря ему практически нет лихорадки. Кроме того, это усовершенствованная версия «Ризина», она прошла клинические испытания в Индии. Таблетки, которые мы давали раньше, вызывали у пациентов артериальную гипотонию.

Я говорю:

– В государственных больницах ужасная атмосфера.

Говорю:

– Иногда мне кажется, что здесь инфицированы даже стены.

В коридоре я видел человека с бородавками на носу. Одна женщина в очереди кашляет кровью в кулак.

Стол Виктора завален медицинскими карточками и бумажными журналами. Он делает там пометки:

– Вы хотите, чтобы я проводил консультации в ресторане?

Или вам нужно, чтобы я привозил лекарства к порогу вашего дома?

Секундные стрелки на часах отсчитывают «тик», отсчитывают «так». Говорю:

– Да, знаете, скорее второе...

Виктор качает головой:

– Вирус распространяется с невероятной скоростью, пациентов становится очень много, и я не могу встречаться с каждым из них. Не нужно напрасно переживать. Если вы будете принимать таблетки, то не умрёте. Вы можете прожить ещё лет пятьдесят. Представьте, сколько увлекательных историй вы расскажете своим внукам.

Из ящика стола Виктор вытаскивает очередную увеличенную копию таблетки.

– Кто-нибудь обязательно выяснит, откуда появился этот вирус, и как его лечить. Все эти очереди останутся в прошлом.

Виктор говорит:

– Ведь когда-то изобрели пенициллин и спасли Европу от чумы. А сколько жизней сохранила химиотерапия? Придёт время, и Вирус-44 останется лишь статьёй в энциклопедии. Тысячи учёных по всему миру работают над этим.

Остановлена добыча нефти. Свёрнуты космические программы. Заключено перемирие на Ближнем Востоке. Террористические ячейки объявили об отпуске. Мировые державы перестали финансировать разработку ядерного оружия.

– Сконцентрируйтесь на лечении, – говорит Виктор. – Отсчитывайте секундные стрелки.

Отсчитывайте фонарные столбы.

Запишитесь в группу поддержки.

Перестаньте думать о будущем.

Сорок шестой, семьдесят девятый, восемьсот тридцать четвёртый... За одним из столбов прячется Виктор, над головой он держит пластиковый макет розового, как сакура, препарата. Пальцы Виктора, его ладони и запястья, мягкие, как мармелад. Ногти отполированы до блеска. Мои воспоминания о Викторе заканчиваются его словами:

– Поймите, главное в вашей ситуации – настроиться на позитив.

Из выдвижного ящика Виктор достаёт лист бумаги и просит меня поставить на нём подпись.

– Это чистая формальность! Я доверяю вам полностью, но закон требует вашей подписи. Вы должны пообещать, что не будете заражать вирусом никого из своих близких.

Документ, который протягивает мне Виктор, похож на рекламный контракт. Под моим именем указан целый перечень обязательств. Я должен предупреждать своих половых партнёров о том, что болен. В противном случае меня посадят за решётку.

В контракте, который даёт мне Виктор, жирным шрифтом выделены слова: «уголовная ответственность», «умышленное заражение», «судебный иск».

– Подпишите вот тут и тут.

Виктор говорит:

– Если вам дорога ваша свобода, откажитесь от секса.

ГЛАВА 6

Пункт 54, статья 5, из «Памятки уцелевшим» (под ред. отдела по противодействию ЧС Всемирной организации здравоохранения):

«Напоминаем, что допустимый уровень шума на территории карантинной зоны 154А, 816F и 714D – 50 дБ в дневное время и 40 дБ – в ночное.

На территории остальных карантинных зон предельно допустимый уровень шума – 30 дБ.

В случае срабатывания пожарной тревоги, автомобильной сигнализации или другого несанкционированного звука всем уцелевшим рекомендуется срочно войти в помещение и не покидать его пределы несколько часов.

Рекомендуется закрыть окна и сидеть в тишине».

Из-за погони я перестаю замечать детали. Пухлые губы фотомоделей, их причёски, зафиксированные влагоустойчивым лаком, пропитанные аргановым маслом брови, глаза, увеличенные фоторедактором....

Из-за погони я пропускаю целую серию жизненно важных установок, которыми делятся с нами рекламные плакаты. Ярким потоком лучей, справа и слева от дороги, пулемётной очередью, оглушая нас оркестровой музыкой, под которую обычно женятся герои дневных мелодрам.

Лили говорит:

– Бензина нам хватит еще на пару километров.

Свет в студии резко гаснет, но я успеваю разглядеть парня, который рекламирует магазин стильной одежды, я вижу его синий пуховик и «пузырь» с текстом, как в комиксах:

«Наши цены – настоящий клад!»

Лили говорит:

– Если нас догонят, то придётся отбиваться вот этим.

Она достаёт из рюкзака свой блокнот. Свет в студии снова загорается.

Лили сидит за круглым столом. Острым кончиком маникюрного ногтя она отбивает по стеклянному покрытию ритм своей телевизионной заставки, а потом подносит палец к уху и заталкивает наушник глубоко внутрь. Голос из наушника напоминает:

– Через пятнадцать минут начинается футбольная трансляция. Мы должны закончить к этому времени.

Среди книг – разных цветов и размеров, твёрдых и мягких переплётów – гороскопов, сонников, сборников философских изречений, эзотерических романов и самоучителей по йоге Лили – очаг землетрясения, центр вписанной окружности. В одной руке она держит блюдце, наполненное голубой жидкостью, другая рука нависает над ним.

По студии, откуда-то из чёрной пропасти, пронзая металлическую стену из мониторов и телекамер, раздаётся крик,

тревожный и резкий, как свет прожектора.

– Алло! Алло, я дозвонилась?

Голос в наушниках сообщает Лили, что ей нужно убрать со лба распушившийся локон.

Лили говорит:

– Да.

Она говорит:

– Добро пожаловать...

Шёпотом она добавляет:

– ...сестра.

Камера приближается к Лили – с мониторов исчезают книжные полки, зеркальные шары, бумажные фигурки Будды – их изображения расплываются на заднем плане, в кадре только Лили, её лицо, оранжевое от пудры и гладкое, как китайский фарфор.

Голос в наушниках сообщает:

– Анна. 53 года. Домохозяйка.

Лили говорит:

– Здравствуй, Анна!

Ворот на пиджаке Лили раздут и поднят вверх, как капюшон кобры в секунды опасности, стрелки на глазах жирной линией расширяются от центра и отступают от разреза, придавая взгляду нежность, делая Лили надёжным другом для миллионов телезрителей. Всемогущая защитница, единокровная сестра, помоги избавиться от тревог и страхов, притяни счастье, деньги и здоровье, избавь от негативных

мыслей, сними камень с души, излечи от молочницы.

– Как вы догадались, что меня зовут Анна?

Голос Анны придавлен железной грудой обид, заброшен камнями разочарований, приглушён болью, затоплен слезами.

– Прошу вас, помогите мне! Я готова отдать всё! Только помогите мне! Я так рада, что дозвонилась. Прошу вас.

Лили спрашивает у телезрительницы:

– С какой проблемой столкнулась твоя семья? Алкоголь, азартные игры?

Из динамиков доносится громкий вздох. Он заполняет собой всё пространство, оседает, как пыль на декорациях, преломляет свет софитов, проникает в провода, распадается на молекулы, со скоростью света долетает до космических спутников, и оттуда, разбившись на миллиарды разных чисел, облачившись в цифровой кодовый сигнал, вторгается в дома сотен тысяч телезрителей.

Лили спрашивает:

– Давай уточним, Анна, что тебе нужно? Снять порчу или открыть денежный канал?

Невидимая Анна набирает в свои невидимые лёгкие воздух. Сотни тысяч телезрителей наблюдают за тем, как невидимые слёзы стекают по невидимым морщинам.

Глядя в камеру, Лили говорит:

– Понятно.

Она заталкивает наушник ещё глубже и говорит:

– Как давно тебе изменяет муж, Анна?

Лили говорит:

– Сделай звук телевизора тише и ответь на вопрос.

Камера переключается на руки Лили, на её тонкие пальцы, браслет из синих бусин. Голос в наушнике предупреждает, что сейчас камера покажет крупным планом глаза Лили, а потом начнёт плавно отъезжать назад. Всесильная заступница, единокровная мать, рассуди и обереги, обними и поцелуй, перевяжи кровавые раны, огради от домашнего насилия, верни на тропу добра и света, свяжись с энергоинформационным полем Земли, гармонизируй отношения, верни мужа в семью.

Из-за погони я перестаю замечать детали: не вижу ни рекламных плакатов, ни дорожных указателей, ни трюка, который выполняет Лили в прямом эфире своего телешоу – переключая камеры, закатывая глаза, пуская плотную слезу по нижней стрелке, прямо по линии роста ресниц.

Лили говорит:

– Ыфалдор... дяшарф... лчаошав... лдывка... ша... ыр-маз... вялсацо... кумииста... разсцато... граника... пернес...

В ответ на рыдания Анны, почти шёпотом, сжимая губы, кряхтя и зевая, Лили бормочет в камеру:

– Фуцашфат... ялсоадх... вавахад... Ывцымых... сыты-парла... лавомдарно... лаомы... катанад...

Слова Лили – как целебный дождь из рецептов и ритуа-

лов.

Она говорит:

– Караотата... дададад... зкрыаужцас... Кшыоатыцро...

Фщволатйхылату...

Лили говорит:

– Фуцашфат... вавахад... ащай... аяк!

Лили говорит:

– Ащай... аяк!..

Лили говорит:

– Прощай, стояк!

Из-за погони я не замечаю этого.

ГЛАВА 7

В сиреновом свитере от Massimo Dutti я похож на сливовое дерево – медсестра говорит, что встречала такую модель на страницах журнала Vogue. Она закатывает рукав моей мятной рубашки до локтя – новинка от Tommy Hilfiger превращается в гармошку.

– А сейчас сожмите ладонь в кулак. Вот и отлично! – говорит медсестра и вонзает мне в вену прибор, похожий на насос для откачки нефти. Отворачиваю голову, зажмуриваю глаза.

На следующий приём я прихожу в поло Lacoste цвета фламинго – медсестра говорит, что оно отлично сочетается с лабораторными колбами.

– Вам очень идёт! Я видела такие футболки на распродаже.

В очереди все смотрят на мой плащ от Pierre Cardin, сшитый для королевских приёмов или для проходки по красной ковровой дорожке во время дождя. Приталенный, но свободный, сотканный из успеха, воодушевления и веры в себя, отталкивающий воду, вспышки фотокамер и зависть толпы, плащ без иммунитета к реальности: обтирать больничные стены в Pierre Cardin – это особо тяжкое преступление, террористический акт в мире моды.

– Слышал анекдот про парня, который перепутал похоро-

ны с благотворительным балом?

– Где-то здесь вечеринка по случаю коронации принца Чарльза?

– Ты думаешь, что попал на проект «Подиум»?

От стены отваливается кусочек плитки, выкрашенный в голубой больничный оттенок, хрупкий и влажный – в коридоре практически нет вентиляции, в окно хлещет лучами солнце.

Закруглённые манжеты, накладные карманы – рубашка от Maison Michel пропитывается потом, брюки приклеиваются к дерматиновому покрытию – ощущение, будто тонешь в болоте. Немые вопросы пациентов повисают в воздухе, отслаиваются от стен, растекаются по полу:

– Ты пришёл лечиться или открывать звезду славы имени себя?

– Здесь проводят обследование или снимают интервью Ларри Кинга?

– Это больница или обложка журнала Elle?

Чтобы отвлечься, достаю телефон и печатаю сообщение: «Шанталь, как дела?»

В очереди к Виктору передо мной – человек десять, раздавленные и прозрачные, как пластиковая посуда, паломники, бродившие веками по пустыне, а сейчас скользящие взглядом по пальмовому принту моих туфель. Моя новая целевая аудитория, наблюдающая за мной исподлобья, сверкая улыбками мародёров:

– Это больница, а не показ от Victoria's Secret.

Где-то в глубине коридора – за доской объявлений, в толпе бездомных, в мишуре окровавленных бинтов – врачи ведут под руки пожилую женщину. Она отбивается от них, упираясь ногами в пол, распыскивая свой морфологический яд:

– Отпусти меня, мохнорылый вымесок!

Я снова достаю телефон, проверяю, не ответила ли мне Шанталь. От стены отваливается ещё один кусочек кафельной плитки, не привлекая к себе никакого внимания. Пожилая женщина из больничного холла продолжает сопротивляться:

– Я буду жаловаться вашему начальству!

Она кричит:

– Я позвоню в бюро по правам человека.

А потом она кричит:

– Туберкулёзный проститут!

К женщине подбегает охранник, он пытается схватить её за руки, а она отрывает от его ремня рацию и подносит к губам:

– Тухлодырый соплежуй, как слышно? Как слышно?

Медсёстры в белых пижамах слетаются в больничный холл, как мотыльки на смертную казнь от лампы, они разрывают на части верблюжье пальто, в которое замотана пожилая женщина, распаковывают её кокон, увязая по щиколотку в сыпучем прахе застиранного кружевного белья, обхва-

тывая запястьями её железные подмышки.

Чтобы отвлечься, я снова достаю телефон и печатаю: «Шанталь, угадай, кого я встретил в больнице?»

Представление в больничном холле заканчивается – буйную пациентку уводят со сцены, на полу, рядом с регистратурой, остается лежать её лисья шапка, пальто из верблюжьего меха – визитная карточка моих тревог, инфицированное сожалением и страхом, мой новый дресс-код, новый стиль. Я подбираю пальто с пола и иду за медсёстрами.

Я слышу «РАЗРЯД!» и возвращаюсь к Лили, в свою «Зелёную Миндальку». Мы проезжаем плакат с надписью:

«Передумай и сверни с пути, пока не поздно!»

– Знаешь, когда я поняла, что выбрала правильный путь? – спрашивает Лили. И тут же отвечает:

– Когда пошла на приём к психотерапевту.

В руках у Лили бумажный буклет. Она листает страницы с конца, бегло и легко, как глянецовый журнал в салоне красоты. На обложке написано:

«Памятка уцелевшим»

– Психотерапевт взял лист бумаги и разделил его карандашом на две части. Сверху он написал «плюс» и «минус».

Почему-то в этот момент я вспоминаю свою первую встречу с Виктором.

Лили говорит:

– Я-то думала, что плачу за прозрение, а не за урок рисования.

Мы останавливаемся возле аптек, и наша история начинается снова. Лили читает «Памятку уцелевшим» тихо, как и рекомендовано.

Там написано:

«Бродячие собаки». Глава 28

– Представляешь, какое это разочарование? Это как вместо шоколадного мороженого получить на десерт червивое яблоко, – говорит Лили.

Я был у психотерапевта, когда подтвердился диагноз. Я тоже брал лист бумаги, тоже делил его на две части, в одной из них я писал о своих чувствах, рассказывал, какие преимущества даёт мне смертельная болезнь, выводил карандашом:

«Я ценю жизнь, я ценю каждую секунду, тик-точка-так-точка».

– Ха-ха, – говорит Лили.

Я – по-прежнему за рулём «мерседеса», мы скрываемся от убийц и насильников. За нами гонятся вооружённые грабители, руководители наркокартелей и похитители детей.

«Бродячие собаки сбиваются в стаи и спуют по городам в поисках еды. Они готовы разорвать в клочья любого, кто встанет у них на пути».

Конец главы 28. Так написано в «Памятке уцелевшим».

– Нет никаких «плюсиков», – говорит Лили. – Ты умираешь, и в этом нет ничего хорошего.

Лили считает, что в нашем мире есть только борьба за выживание, естественный отбор и депрессия, такая же бесконечная, как зима в Антарктиде.

Лили говорит:

– Оглянись вокруг, ты едва ли не последний, кто остался в живых. И если по пути нам не встретится хоть одна аптека, ты умрёшь к завтрашнему дню.

Лили говорит:

– Ты всё еще видишь в этом выгоду?

Нет ничего хуже смерти.

Смерть ужасна и скучна.

Хуже смерти может быть только человек, притворяющийся, что принял смерть. Никто не готов ложиться в гроб. Никто не готов прощать Господа Бога за то, что он отбирает жизнь, посылает болезнь; рак – это не подарок свыше, как говорят в группах поддержки, рак – это жвачка, на которую ты сел в метро; тебе просто не повезло. Ты просто неудачник со злокачественной опухолью, не нужно видеть в этом божий промысел.

– Не нужно принимать болезнь, – говорит Лили.

Она продолжает листать «Памятку уцелевшим». Там написано:

«Городами правят уличные банды из собак разных мастей и пород».

Лили читает дальше:

«Не зная усталости и пощады, они готовы растерзать любого».

Лили читает и этот кусок текста:

«С пеной в пасти, голодные и худые, способные развить скорость гепарда и догнать любой автомобиль».

– Что это? – спрашивает Лили. – Отрывок из романа? Что значит «с пеной в пасти»?

Я слышу «РАЗРЯД!» и чувствую, как по телу проходят электрические волны, я чувствую, как сердце готовится выпрыгнуть из грудной клетки – так выглядит смерть изнутри. Ничего в ней нет приятного.

Я слышу «РАЗРЯД!» и оказываюсь рядом с Виктором.

На этот раз мы встречаемся в парке аттракционов. Слова Виктора, его доброжелательный тон заглушают крики людей, проносащихся мимо нас на «Смертельной Кобре» или «Скоростном Гигантском Лифте».

Виктор улыбается и протягивает мне намотанное на пластиковую трубочку облако розовой ваты. Я киваю:

– Спасибо.

Виктор говорит:

– Не нужно меня благодарить. Это мне дали на входе в парк.

Я говорю, что рад встретиться на нейтральной территории. Говорю:

– За это спасибо.

Виктор спрашивает, рассказал ли я кому-нибудь о болезни. Говорю:

– Нет. А ты рассказал кому-нибудь, что я болен?

Виктор отвечает:

– Мы не имеем права сообщать о диагнозе пациентов. Ни родственникам. Ни работодателям. Но рано или поздно люди должны узнать. Так тебе будет легче пережить это.

Виктор откусывает от облака сладкой ваты. На его отполированных белоснежных зубах остаются розовые разводы, как следы от помады:

– У тебя есть родственники?

Он интересуется:

– Кто твой начальник? Чем ты занимаешься?

То есть как я зарабатываю на жизнь.

Мы проходим мимо рекламного плаката. Он зазывает нас в сырную лавку, которая так и называется: «Сырная лавка». Парень с плаката раздет до трусов, он сидит в гигантском кресле, сотканном из моцареллы, горгонзолы и эмментальского сыра – вся спинка изуродована круглыми отверстиями.

ми, парень сидит на куске огромного сырного айсберга, свой нос он демонстративно закрывает большой деревянной прищепкой.

Надпись на плакате гласит:

«Сыр с мятной коркой! Незабываемый аромат!»

Один рекламный плакат сменяет другой.

– Запомни важную вещь, – говорит Виктор, – тебе нужна поддержка. Одному тебе не справиться.

Если верить Виктору, я должен открыться миру, довериться людям, не замыкаться в себе. За семейным ужином я должен организовать пресс-конференцию, устроить небольшой медицинский каминг-аут.

– Впрочем, это твоё личное дело, – Виктор достаёт из чемодана пакет с жирным красным крестом – такие рисуют на машинах скорой помощи.

– Ты же понимаешь, что это должно остаться между нами? – спрашивает мой лечащий врач и отдаёт мне пакет. Оттуда доносится звучанье кастаньет, голос таблеток, стремящихся увидеть белый свет, навалиться друг на друга, опередить соперника и достигнуть цели, как сперматозоиды. Лиловые, золотые и бирюзовые шарики.

Парк аттракционов, в котором мы находимся, зашумлён рекламой и криками людей:

– АААААААААААААА!

Это заставляет задуматься о том, сколько посетителей аттракционов погибает здесь – в парках развлечений. По телевизору, в вечерних новостях, постоянно приводят статистику. Так уж получилось, что я узнаю, чья жизнь прервалась, – случайно и трагично, кто отправляется на небеса прямым рейсом, на красно-чёрном, как постер с Че Геварой, кресле. Я готовлю омлет в кухне и узнаю, кому посчастливилось попасть на сломанную карусель, кто упал с высоты, в кого вонзились металлические прутья, сколько человек получили травмы, несовместимые с жизнью. По телевизору постоянно об этом говорят.

О Вирусе-44 в новостях пока не говорят.

«АААААААААААААА» – это то, как мне хочется ответить Виктору, но я говорю:

– Я не хочу никому сообщать о болезни. Боюсь, что если расскажу, то от меня отвернутся люди, со мной перестанут общаться.

Иногда, думаю, проще стать жертвой несчастного случая – это так же легко, как стереть защитное поле с лотерейного билета, и о тебе с сожалением будут говорить в новостях, ты станешь главной темой выпуска, твоё лицо покажут крупным планом на экране за спиной ведущего.

По телевизору по вечерам я наблюдаю за тем, как цирковой артист падает с высоты на арену, или как пассажир метро попадает под железнодорожный состав, как постояльцы гостиниц задыхаются угарным газом во время пожара,

как из шахт достают обгоревшие трупы рабочих. Все они наверняка были здоровыми людьми, они могли пережить меня и любого другого пациента Виктора, и даже ту буйную психопатку из больничного холла. Они излучали счастье, рожали детей и публиковали их снимки в фейсбуке.

Сюжеты из новостей сопровождают меня по всему дому, даже во время сна.

Любая катастрофа, будь то взрыв в самолёте или неудачное падение в аквапарке, возносят меня на пьедестал, делают из меня олимпийского чемпиона по выживанию; в эти минуты я ощущаю своё превосходство. Осознаю своё везение.

Я поднялся на борт совсем другого лайнера, он падает чуть медленнее и эффектнее, стюардессы разносят алкогольные напитки и разрешают курить в туалете. Борт моего воздушного судна может облетать грозовые тучи и разбиваться, как говорит Виктор, «до самой старости».

– Мы не имеем права рассказывать о твоём диагнозе ни соседям, ни друзьям. Но опыт моих пациентов говорит, что лучше открыться.

Виктор сплёвывает в урну розовый комок ваты, в руках у него дребезжит чемодан с лекарствами, мимо нас вверх головой пролетают посетители аттракциона «Безумная Карусель».

Я говорю, что не хочу быть изгоем. Не хочу, чтобы люди воспринимали мой кашель как ядерный взрыв, фейерверк из инфекционных заболеваний, не хочу, чтобы болтали

за спиной.

И Виктор спрашивает:

– Неужели ты не понимаешь?

Говорю:

– Что именно?

Виктор отвечает:

– В этом-то и заключается твоя проблема. Чтобы не справляться со своим горем в одиночку, тебе приходится справляться со своим горем в одиночку.

ГЛАВА 8

Моя мать постоянно запирается в своей комнате.

Дверь в её спальню выкрашена в цвет капучино, в неё встроены декоративный лист нержавеющей стали – новый уровень защиты от внешнего мира, повышенная прочность и невероятная теплоизоляция, в комнате моей мамы – тишина да покой.

Я должен злиться на это, волноваться и нервничать, но дверь в мамину спальню вызывает у меня только умиротворение. Из-за стены я слышу, как моя мать разговаривает с телевизором. У неё всегда работает новостной канал. Она смотрит его так громко, что жители соседних домов могут не включать звук.

Когда на экране появляется президент, моя мать щёлкает пальцами, как будто говорит:

– Я была права!

Президент прерывает мелодраму для домохозяек. Говорит:

– Прошу вас не верить слухам и не идти на поводу у провокаторов.

В этот момент моя мать щёлкает большим и средним пальцами, как будто к ней приходит озарение, как будто она разгадывала кроссворд и долго не могла вспомнить одно слово, а потом она подобрала его – вот так моя мать щёлкает

пальцами. Победоносно.

Президент врывается в телевизионный эфир без предупреждения, как вооруженный грабитель в банк. За минуту до этого камера показывает интерьер роскошной гостиной, стены – шелковые, хрустальные, увешанные позолоченными канделябрами, в воздухе парят длинные рыжие локоны – это две героини мыльной оперы выясняют отношения на лестнице, они вцепились руками друг другу в волосы. Одна из них кричит: «Ты украла моего мужа!» Вторая ступает каблуком в пустоту и падает со ступенек в замедленном действии, аккуратно – стараясь не испачкать гримом декорации. Лицо героини – белое, как жемчуг. Платье – мелодраматично-фиолетового цвета.

Героиня мыльной оперы исчезает за надписью «СРОЧНЫЕ НОВОСТИ», в кадре появляется ведущий. Он говорит: – Это экстренный выпуск. Просьба убрать от экранов беременных женщин и людей со слабой психикой.

Моя мать никогда не выходит из комнаты. Поэтому она остаётся у экрана. Ведущий новостей набирает воздух в лёгкие и, делая паузу после каждого слова, говорит, бодро и торжественно:

– Массовая! Вспышка! Загадочной! Болезни!

Он говорит, что сегодня утром городские больницы столкнулись с небывалым наплывом пациентов. Всех их беспокоят странные симптомы – сыпь на теле, неконтролируемый смех и высокая температура.

Ведущий новостей рассказывает, что установить точную причину недомогания у врачей пока не получается. Ни один из препаратов не действует. Ведущий говорит, что сообщения о высокой температуре приходят из разных уголков страны. Он говорит:

– Никто ничего не понимает.

А потом на экране появляется президент в кольце телохранителей. В этот момент моя мать щёлкает пальцами и делает звук телевизора ещё громче.

В какую бы комнату я ни зашёл, я слышу президентскую речь, слышу вопросы телерепортёров, слышу, как власти впервые объявляют об эпидемии – моя мать смотрит новости так громко, что я слышу их в подвале, на чердаке, я слышу их, даже если включаю в своей комнате музыку. Я – аудиозаложник, жертва звукового насилия. Где бы я ни был, я слышу:

– Мы следим за развитием событий!

ГЛАВА 9

Эта погоня принимает форму плохо станцованного свадебного вальса, когда между молодожёнами нет искры, они наступают друг другу на ноги, давят на мозоли и не смотрят в глаза; эта погоня похожа на интимные ласки подростков – всё происходит неуклюже, быстро и не в такт.

Сначала Лили смотрит в зеркало заднего вида, потом оборачивается назад, а потом спрашивает:

– Что это там такое? Машина?

Мы въезжаем в город, сделанный из картона и пластика, – пустые здания напоминают игрушечные домики. Домики Барби.

Продуктовые лотки обтянуты брезентом. Светофоры на перекрёстках горят фиолетово-чёрным. Кругом всё бурое, землянистое и угольное. На улице темно, поэтому наши преследователи включают фары, превращая свой автомобиль в две сияющие точки, две кометы.

– Видишь эти носогубные складки? – спрашивает Лили. В руках она держит фотографию одной из своих поклонниц. Говорит:

– Когда всё закончится, я могу вас познакомить. Она любит собак, таких маленьких, как плюшевые игрушки.

Лили спрашивает, люблю ли я животных?

Мы едем по разбитой дороге. Время от времени на пути

нам встречаются аптеки, которые мы грабим.

– Посмотри на эту девушку. У неё так сильно опущены веки. Неудивительно, что муж сбежал от неё.

Лили листает фотоальбом. Трещины на асфальте напоминают морщины на лицах, которые я успеваю увидеть краем глаза. Когда машина наезжает на какую-нибудь ямку, мы подпрыгиваем, и из альбома выпадает новая фотография. Лили берёт её в руки и говорит:

– Посмотри на эту ужасную мимику.

Ещё одна яма. Мы снова подсакиваем. Лили показывает средний палец в камеры видеонаблюдения.

Я мысленно сожалею, что разрешил Лили ехать со мной – она нарушает спокойствие, игнорирует правила, она не похожа на смертельно больного человека.

Смертельно больные люди не могут себе позволить переступить черту.

Неизлечимый вирус – это не скоростная трасса, мы не должны ехать по встречке и превышать скорость, смертельный вирус – это испытание, пройдя которое можно получить ещё один шанс.

– Эта девушка участвовала в моём шоу каждую неделю. Ей изменял муж. Говорил, что она слишком толстая.

За нами продолжают следовать две кометы, рассекая ночную темноту, излучая голубоватый свет.

Лили спрашивает:

– Разрешишь мне порулить?

Мы останавливаемся у плаката с надписью:

«Затми своим блеском солнце».

Под надписью во весь рост изображён молодой парень, одну руку он выставляет вперёд, чтобы прорекламирровать часы, другой рукой приподнимает белую футболку, отрывает её от эластичного тела, гладкого, как линолеум. Парень показывает кубики пресса, чуть ниже – тёмная полоска волос, ведущая от пупка до кожаного ремня Gucci. Пушистые кудри в районе паха стелются плавно, перетекают в надпись:

«Красота в гармонии»

Снизу кто-то приписал розовой краской:

«Будь впереди на шаг, узнай больше».

Парень с рекламного плаката улыбается белыми ровными зубами, взгляд отстранённый, устремлён куда-то поверх фотокамеры. Лили говорит, что у него нет ни одной носогубной складки, ни одного изъяна.

Я думаю об этих плакатах и чувствую, как моё лицо покрывается апельсиновой коркой, каждый рекламный слоган выскакивает на коже ядовитым жёлто-зелёным угрём – раздражением и обидой, воспоминанием о прежней жизни. Эти рекламные плакаты – как заживающая рана на теле, которую

постоянно хочется чесать.

Бугорки на лице расширяются и воспаляются, они нашёптывают мне истории о моей умопомрачительной карьере, высыпают на лбу розовыми прыщиками.

Лили давит на газ, и рекламный плакат растворяется в полумраке, достаётся на растерзание прошлому: темнота съедает надпись «красота в гармонии», уничтожает золотые часы, искривляет улыбку парня, убивает его идеальные трицепсы.

Мы уезжаем далеко-далеко. Покидаем территорию высокой моды.

«Прямо, прямо и ещё раз прямо!»

Узнав о диагнозе, я перестал носить яркую одежду, готовить на завтрак куриную грудку и заниматься в тренажёрном зале; я распрощался с душистым сельдереевым фрешем, листовым салатом и сушёным лососем. Я перестал быть антихолестериновой иконой. Я стал культивировать в себе образ обычного человека.

Фотомодель с плаката погребена в придорожной мгле.

Мы покидаем территорию высокой моды.

«Если хочешь найти меня, никогда не сворачивай», – написано на плакате.

Лили вытаскивает из ежедневника фотографии толстых девушек, которых бросили мужа. Лили говорит:

– Им наплевать на твой кариес.

Она говорит:

– Эти девушки будут счастливы пожертвовать всем ради тебя.

Безобразные чудовища, угловатые и неуклюжие, невзрачные и плоские – вот кого показывает Лили, вот кого она прочит мне в жёны. Одиноких слоних с крокодилей пастью.

Лили говорит:

– Давай смотреть правде в глаза! Выглядишь ты не очень привлекательно.

Лили спрашивает:

– Как давно ты был у дантиста? Что случилось с твоими зубами?

Мои сломанные зубы – обломки космического корабля, которые дрейфуют по орбите.

Лили показывает мне фотографию одной из своих поклонниц и говорит:

– Посмотри. Она настолько страшная, что её муж покончил с собой.

Мы въезжаем в новый город, и нас по-прежнему преследует свет автомобильных фар. Лили оборачивается – яркие вспышки отражаются в зеркале. Лили говорит:

– Поехали ко мне, там нас никто не найдёт.

ГЛАВА 10

Моя мать тащит меня по зелёному коридору, мне всего шесть, и сопротивляться в этой ситуации бесполезно. Сколько себя помню, моя мать говорит одно и то же всю жизнь:

– Твоим мечтам не суждено сбыться.

Её лицо наполовину закрыто респираторной маской, причёска сдавлена голубым клоунским колпаком.

– Мы идём веселиться! – говорит мама.

Из кармана она достаёт связку ключей и пытается открыть дверь, ведущую в другой коридор – усеянный множеством комнат, – мы заперты в больничном лабиринте, где умирают в изоляции туберкулёзные больные. Мама останавливается у каждой двери и заглядывает в запотевшие окна. Она говорит:

– Весь земной шар живёт надеждой на лучшее. Но лучшее – не случится. Будущее не наступит.

Проходит ещё какое-то время, и она говорит:

– Будущее – это конфетка, которую съели, пока ты спал.

Растаявшая шоколадная конфетка, которая досталась кому-то другому.

Двери палат пронумерованы двузначными числами, ввинченные в стену таблички излучают ядовитое предупреждение:

«Изолятор! Вход запрещён!»

Мама говорит:

– Есть такие люди, которым таблетки уже не помогают.

Они-то нам и нужны.

Мама рассказывает мне про умение признавать отсутствие перспективы, она говорит, что я должен научиться трезво оценивать события и не реагировать на негатив. Моя мать рассказывает мне про лекарственно-устойчивый туберкулёз – когда бактерии перестают реагировать на медикаменты.

Мама говорит:

– Чтобы найти туберкулёз, нужно сделать снимок. Нужно сказать «сыыыр!» в рентген-аппарат.

Мама говорит, что если на снимке обнаруживаются белые пятна, значит – пиши пропало.

– А если врачи находят в лёгких небольшие отверстия, тогда уж точно – всем твоим надеждам конец.

Возле одной из палат мы останавливаемся. Мама дирижирует связкой ключей, пока один из них не проваливается в отверстие, треск стоит на весь коридор. Мама открывает дверь и заталкивает меня внутрь.

В палате, как только я туда попадаю, раздаётся лающий кашель, громкий, как крик, как будто посреди ночи я ворвался на чужую ферму, чтобы ограбить, убить и изнасиловать её обитателей. Кашель вокруг – многооктавный, переходящий в болезненный плач, аномальный, с примесью крови.

Пациенты прикованы к железным балкам – их руки при-

вязаны к кроватям резиновыми жгутами, во время кашля они выгибают спины, закатывают глаза, мочатся в постель. Я дёргаю ручку двери, но она заперта. Моя мать снаружи кричит:

– Чего бы ты ни добился, расставляя свои долбанные приоритеты, когда ты умрёшь, мир даже не вздрогнет!!!

Скрюченные позвонки пациентов царапают стены, лимфатические узлы распухают и душат их шеи, ноги пациентов гниют под одеялом, пропитанном потом. Тела людей, которые кашляют мне в лицо, – худые, испаряющиеся, обезмышленные. Большинство этих пациентов уже мертво, хотя они продолжают кашлять.

В воздухе витают бархатные прожилки туберкулёза. В лицо мне попадают маслянистые сгустки – я начинаю реветь, мне всего шесть, и сопротивляться бесполезно.

Одна из пациенток смотрит мне прямо в глаза и говорит шерстяным шёпотом:

– Развяжи меня!

Её морщинистая шея обвешана брыльями, ошмётками прозрачной кожи, при каждом приступе кашля они скачут и развеваются, как тряпичный флаг.

Пациентка отрывает голову от подушки и говорит:

– Из-за туберкулёза у меня начался нижний парапарез, мои мышцы в районе живота не связаны с нервной системой, я не могу управлять ими.

– Развяжи меня, – говорит пациентка.

Я вжимаюсь в угол. Забиваюсь под раковину. И тогда пациентка плюёт мне в лицо.

Спустя несколько часов мама открывает дверь, она тащит меня – заплёванного туберкулёзной кровью – по коридору, на ней по-прежнему респираторная маска, руки облачены в резиновые перчатки, мама волочит меня по полу, она приказывает мне встать, коридор окутывает эластичное «Дырявый членоплюй» – так мама даёт понять, что недовольна моим поведением, уборщица прижимается к стене, когда мы проходим мимо.

Мама кричит:

– Свинорылый мухомор!

Она говорит:

– Не думай, что я хочу тебя убить.

ГЛАВА 11

– Один мой пациент набрал в ванну ледяную воду из-под крана, – говорит Виктор. – В супермаркете он купил десять пакетов льда.

Виктор говорит:

– Он умер.

В клетку слона Виктор бросает таблетку анальгина. Слово «умер» он произносит так тихо, что невозможно услышать. Воздух вокруг нас захламлён треском фотокамер, встроенных в мобильные телефоны. Группа школьников снимает драку двух бегемотов. Мы в зоопарке.

Виктор говорит:

– Если вирус начнёт атаковать твой организм, не вздумай заниматься самолечением. Сразу выпей таблетку.

Виктор спрашивает:

– Понял?

В клетку слона Виктор бросает капсулу лидокоина, она падает на землю и разбивается. К ней подбирается морщинистый хобот и всасывает лужицу вместе с осколками стекла.

– Во время атаки вируса температура тела может подняться до сорока четырёх градусов. Тебе может показаться, что ледяной душ спасёт тебя, но это не так. Если почувствуешь озноб и головокружение, принимай таблетку.

Слушая Виктора, я понимаю, что смерть не так страшна, когда к ней привыкаешь.

Каждый раз, когда мы встречаемся, Виктор говорит:

– Извини, я тебя не узнал.

В этот момент мне на телефон приходит сообщение от Шанталь. Она пишет: «Купи завтра People».

Мы проходим мимо вольеров с зебрами и павлинами, мимо медведей, вышедших из спячки. Мы оказываемся в толпе школьников, которые громко смеются у клетки с жирафами. Некоторые дети достают телефоны, поворачивают объектив на своё лицо, улыбаются, после чего раздаётся щелчок камеры, и момент совокупления животных застывает на экране.

Я считаю «тик», я считаю «так!» – я провожаю эту секунду и встречаю следующую, я слышу, как красная стрелка сталкивается с большой – отвечающей за час или за минуту, я слышу их шёпот, их сиюсекундный флирт, слышу, как они занимаются сексом, а потом они разбегаются – секундная стрелка и минутная, я живу здесь, живу сейчас.

Открываю пакет с гигантским манго на упаковке, – если верить Шанталь, манговый сок помогает сжигать жир. Впрочем, я перестаю следить за своим весом. Умиравшие люди это делают: перестают держать себя в руках.

Прощайте, контроль и самодисциплина!

Прощайте, зауженные брюки Louis Vuitton!

Мой телефон время от времени вибрирует в кармане. Я пытаюсь найти Виктора, ещё минуту назад он бросал

в клетку слона препараты экстренной контрацепции. Этот момент я стараюсь запомнить. Момент, когда я перестаю отвечать на звуковые сообщения Шанталь.

Виктора я нахожу взглядом в группе людей, пришедших посмотреть на то, как спариваются макаки. Машу ему рукой. Рядом с Виктором женщина, укутанная в ажурный палантин от Ива Сен-Лорана. Движением руки он показывает, чтобы я не подходил к ним и ждал у клетки со слонами.

Шанталь в этот момент оставляет голосовое сообщение, в котором спрашивает, почему я не выхожу на связь. Вместо суровых приказов я слышу мольбу и просьбу.

– Пожалуйста, – говорит Шанталь, – подними трубку. Мне нужна твоя помощь.

Та, чья жизнь находится под контролем, говорит, что не тренировалась уже несколько недель – она не может встать с кровати, не может разогнуть спину. Колени, которые она повредила когда-то давно, играя за юношескую баскетбольную лигу, стали неподвижными и каменными, как памятник Индире Ганди.

И вот наша встреча с Виктором. Он проходит мимо клетки со слонами и повторяет слово в слово то, что узнал на медицинских тренингах о Вирусе-44. Он говорит:

– Жизнь человека возможна только при нормальной температуре тела.

А дальше самое интересное.

– Если температура человека поднимается выше сорока

четырёх градусов, то кровь в организме начинает свёртываться.

Приятельница Виктора, с которой он стоял у клетки с бегемотами, уходит далеко вперед, она стучит по тротуарной плитке каблуками от Валентино, с плеча свисает сумка от «Биркин», она скрывается в толпе – на экскурсию в вольтер с насекомыми выстраивается длинная очередь.

Виктор говорит:

– Из-за перегрева мозга нейроны перестают обмениваться сигналами.

Виктор говорит:

– Нейроны – это то, что у тебя в голове.

В клетку слона он бросает таблетку от паразитических червей.

– Вирус-44 поджарит твой мозг, если ты не примешь эту таблетку.

В клетку слона он бросает эту таблетку.

– Не хочу тебя пугать, но последствия будут катастрофическими. Сначала, – говорит Виктор, – наступит кома, а затем остановится сердце.

В клетку слона Виктор бросает средство для снижения артериального давления, а затем – таблетку от тошноты.

Если выразаться простым языком, от Вируса-44 нет лекарства. Если выразаться языком Виктора, то можно сказать так. Вирус-44 – это вафельница, способная сделать из человеческого мозга стейк со свежей кровью.

На плакате, который мы проезжаем, написано:

«Добро пожаловать на нашу барбекю-вечеринку!»

Я говорю Виктору:

– А кто эта женщина, с которой ты стоял только что?

Виктор отвечает:

– Держи себя в руках! Соберись! Не забывай, всё зависит от твоего настроения.

В этот момент на другом конце города Шанталь берёт в руки свой телефон и нажимает на кнопку вызова, в результате чего телефон в моём кармане вибрирует. Виктор говорит:

– На тренингах нам показывали, во что превращается мозг заражённого. Он становится похож на свинину, поджаренную на гриле. С баклажанами, болгарским перцем и зубчиком чеснока.

Виктор говорит:

– Запомни. Нужно принимать по одной таблетке в день.

Он вытаскивает из чемодана пластиковый пакет и отдаёт его мне. Говорит:

– Если ты не будешь принимать по одной таблетке в день, ты умрёшь.

В этот момент Шанталь пишет мне: «Ответь на звонок. У меня проблемы». Слон, у клетки которого мы стоим, всасывает хоботом капсулы салатного цвета. Виктор бросает

в вольер таблетки и говорит:

– Оденься в следующий раз поярче, а то ты сливаешься с толпой.

ГЛАВА 12

Спустя полчаса упражнений у меня начинает булькать между ног – в спортивных плавках скапливается жидкость; Шанталь говорит, что это нормально. Так из моего организма выходят токсины. Шанталь избавляет моё тело от вредных субстанций. Испарения застывают на водолазке, превращаясь в белые разводы, нежные цветения лилий и орхидей. Шанталь приковывает мои ноги наручниками к вентиляционной трубе – я чувствую себя грязной крысой из сточной канавы. Запястья рук связаны за головой. Я должен оторваться от пола – в этом суть упражнений.

Шанталь говорит:

– Пятнадцать повторов!

Я поднимаю своё тело и опускаю его по велению Шанталь. Я – герой её произведения, её «Библии для Похудения» – романа для домохозяек, предпочитающих заедать свой стресс шоколадным муссом и клубничным пирогом.

«Евангелие от Углеводов». Глава первая.

В зале, где мы тренируемся, включён телевизор. Он транслирует обращение президента к нации. Его смотрят в кардиозоне: десятки экранов встроены в беговые дорожки, в велотренажёры, там, где обычно показывают дистанцию и пульс, его смотрят в зоне свободных весов – на скамейках для штанг и жима – плазменный монитор на стене отража-

ется в зеркалах, клонируя президента и его охрану по всему тренажёрному залу, заглушая вульгарные стоны спортсменов, их газоиспускания и восклицания. На полу, где приземляется корпус моего тела, стекается в лужу пот. Каждый раз, когда я опускаю лопатки, по залу разносится чавкающий звук.

«Евангелие от Белков и Аминокислот». Глава вторая.
Строка первая.

Флаг за спиной президента трепыхается, как рыба, выброшенная на берег. Министры и их заместители, помощники и советники на заднем плане – как в стоп-кадре, никто не двигается. Все слушают президента, глазами водят по экрану, с которого он читает текст.

– Всемирная организация здравоохранения просит воздержаться от паники, – говорит президент. – Поиском вакцины занимаются лучшие умы человечества.

Шанталь сидит на моих ногах, малой берцовой костью она впивается мне в колено, наполняет его чашечку молочной кислотой, которой забиваются мои мышцы. На мне надета компрессионная футболка ReebokCrossFit, она как бронжилет, как целлофан, в который заворачивают тела утопленников, эта одежда не позволяет телу дышать, потоотделение усиливается, и я сжигаю калории в два раза быстрее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.